

ДИАЛОГ В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ

С периода перестройки модными стали слова "консенсус", "компромисс". Прежде всего от политиков (от них зависело спокойствие страны) мы требовали, чтобы они договаривались, вырабатывали взаимоприемлемые решения. Однако оказывалось, что "компромисс" почти всегда означал для спорящих "продавливание" своей "принципиальной" позиции, готовность в лучшем случае поступиться лишь мелочами. Выяснялось, что стороны просто не слышат аргументов друг друга, не умеют вести *диалог*, предполагающий и изложение своей позиции, и умение мысленно встать на сторону оппонента, и, поняв его логику, по-новому взглянуть на свои аргументы, подкорректировать их и перейти на новый уровень обсуждения проблемы.

Такие качества присущи и людям науки, нередко оказывающимся просто не способными воспринимать аргументы коллег, даже относящихся к той же научной школе, не говоря уж об "идейных оппонентах". Причем все это – отнюдь не свойства именно российской ментальности. Вспоминается отрывок из мемуаров А. Моруа, оказавшегося в начале 1930-х гг. участником одной из крупных международных конференций по выработке новых принципов межгосударственных отношений. Он обратил внимание на то, что самыми непримиримыми и бескомпромиссными во всех делегациях были ученые-эксперты, которых политики-руководители делегаций пытались успокоить и склонить к поиску приемлемых для всех вариантов решений.

Все это подводит к мысли о ключевом значении проблемы диалога в современном обществе, в том числе в науке. Хотелось бы всесторонне обсудить эту проблему. Поэтому в течение года мы предложим читателям несколько "монологов о диалоге", о разных аспектах этой проблемы – от необходимости диалогичности при решении глобальных проблем современности до психологических нюансов диалогического мышления. В дальнейшем, как мы надеемся, обсуждение перейдет в форму диалога между всеми заинтересованными в данной теме учеными.

В.П. ГРИГОРЬЕВ

Диалогическая (не)интеллигентность

Нет ничего более страшного для
человека, чем другой человек, которому
нет до него никакого дела.

О. Мандельштам

Даже когда разговаривают живые
люди, мы сплошь и рядом слышим
не диалог, а два нашинкованных монолога.

Академик М. Гаспаров

Оппонента вызывали?

Знакомясь с положениями статьи социолога и экономиста А. Олейника, я обратил внимание, в ее заключительном абзаце, на мысль о необходимости в целях "универсализации и демократизации сетевого научного мира" закрепить в законе или в

Григорьев Виктор Петрович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

"уставе науки" *основные права* ученого (и даже студента) [Олейник, 2002]. Речь идет о "своего рода аналоге универсальной декларации прав человека в научной среде". Сама идея, насколько могут судить, заслуживает того, чтобы отнестись к ней очень серьезно. Пока же, на этапе ее первоначального обсуждения, всем нам (вплоть до нынешних "предземшаров" из ООН) стоило бы тоже со всей серьезностью осмыслить один малоизвестный культурологический эпизод из далекой весны во вздыбленной России 1918 г.

Тогда собрание поэтов Москвы, полных энтузиазма и надежд, оживленно обсуждало – в духе времени – "Декларацию прав поэта". В. Хлебников "прислушивался, – пишет мемуарист. – Вдруг он поднял голову, и обозначился его высокий голос: – Декларация прав – это не все. Вот объявлена декларация прав солдата. Из этого пока ничего не вышло. Нужно прибавить декларацию обязанностей поэта" [Спасский, 1935, с. 197]. Представляется, что без увлекательного Диалога между аргументами в пользу прав и обязанностей человека и гражданина, ученого и поэта, интеллигентного человека и опустившегося заключенного, всемогущего "мента" и бесправного "бомжа" мы не скоро поймем, что за общество намерены строить.

Ограничим себя сферой Культуры, прежде всего – наукой, а в ней – более или менее знакомой мне областью филологии, с которой связаны основные импульсы ко всему последующему тексту. Общее состояние научной жизни в нашей стране сегодня едва ли возможно охарактеризовать каким-либо одним точным словом или словосочетанием. Разных, но целенаправленных слов для этого требуется много, и они не смогут не спорить друг с другом. Пожалуй, все дело в культуре такого спора и в трудностях, связанных с его организацией.

Первой приходит в голову очевидно односторонняя оценка – *разброд*. Десятилетия приучаемые к тому, что идеология и методология – по большому счету не их забота, люди науки отчетливо ощущали "потолок" и в наиболее удачных из так называемых методологических семинаров. Нет, кафедральные и отдельные семинары в среднем едва ли стали хуже, число конференций даже возросло, но междисциплинарные инициативы, мне кажется, пошли на убыль, о признанном значении "фронтowych стыков" мы слышим чаще, чем наблюдаем в реальности энтузиастов сближения и столкновения "далековатых идей". Корпус первоклассных специалистов известными утратами качественно не подорван, и все же не оставляет опасение, что славные его дивизии, батальоны и отделения именно *разбрелись*. Ведя обычное и в целом успешное наступление, они кое-где утрачивают ориентировку: где сейчас проходит "линия фронта", кто "враг"?

Самим по себе этим иносказаниям цена невелика. Но спроецируем их на опыт дискуссий 1950-х гг., аналогов которым в филологии 2000-х не видно. В 1959 г. в Блумингтоне (США) прошло обсуждение междисциплинарной проблемы "Стиль в языке". Успех конференции в значительной степени обусловило и то, что присланные доклады были предоставлены крупнейшим специалистам – лингвисту, психологу и литературоведу, которые выступили с аспектными обзорами, после чего на их основе состоялась общая дискуссия. Опубликованные материалы конференции [Stile... 1960] определили новый этап в диалоге языкознания и литературоведения, острую полемику методологов вокруг идей лингвистической (структурной) поэтики и новой модели языковых функций (ее предложил Р. Якобсон), помогли развитию структурных методов изучения языка, семиотике и преодолению стагнации науки о литературе в нашей стране. А конференция лишь по-своему выразила общую тенденцию в филологии.

Столкновением идей, уже освоенных мировой наукой, но в СССР много лет остававшихся под идеологическим запретом, с уже изжившей себя методологией младограмматизма была ознаменована более известная у нас дискуссия. Она осталась в истории как "Дискуссия 1957 г. о синхронии и диахронии". Понятно, почему в тех условиях ее материалы ждали издания целых три года [О соотношении... 1960]. Окно в мировую науку она тем не менее приоткрыла, хотя, в сущности, парадигмальный ха-

рактер ее итогов имел смысл лишь в снятии внешнего запрета здесь и сейчас, а не как прорыв к новому знанию в общезначимом масштабе. "Структурализм" как панацею или жупел философского порядка преодолеть оказалось в общем легче, чем очередных ли "бумцев", заиклированных на "постструктурализме", "деконструктивизме", "постмодернизме", "логофагии" и т.п., прекрасных ли так называемых "узких специалистов", сплошь и рядом не смотрящих "в сторону от своей проблемы", с их забавно самодовольной иронией насчет сражений за ту самую "структуралистику" и тщетным ожиданием, что кто-то принесет им со стороны желанное "точное" знание проклятых общих вопросов.

Почти каждая из нынешних конференций (лат. *conferre* – "собирать в одно место") предусматривает время на дискуссии, хотя на них в лучшем случае подправляют докладчиков, уточняют детали. Сами же доклады обычно просто сопалагаются. Но уже в поэзии мирная и в общем спокойная фигура *соположение* не живет без дружбы-вражды с мудрой отгакой мощного коллеги по имени *контраст*¹. А мы, обходя сложности и трудности, как будто все готовы "удовлетвориться квасом". "Будущее уходит от лени", – справедливо заметил однажды, продолжая известную максиму А. Пушкина о нас "нелюбопытных", "мечтежник" и первый "предземшар", не все упомянутый выше в этих заметках Хлебников (в том же 1918 г. он неоднократно подписывал свои статьи многозначительным псевдонимом *ad hoc* – *Веха*).

Едва ли внутренние филологические противоречия и просматриваемые за ними парадигмы сегодня так напряжены, чтобы *дискуссия* общего характера уже могла стоять в мысленной повестке дня. Но для продуманного организаторами науки *Диалога* по проблемам, нередко выходящим за рамки филологии, назвать более или менее "горячие точки" как узлы разногласий/противоречий, несомненно, готов всякий нормальный "неленивый" профессионал. И готов быть *интеллигентно* услышанным, предложив к развязыванию такие "узлы". Вот – несколько возможных примеров. Специалистам они как будто говорят и сами за себя (аргументы см. в [Григорьев, 2000]), а потенциальные *оппоненты* в открытый *спор* предпочитают не вступать, так что проблемы остаются в своеобразно подвешенном состоянии. Это:

1. Принципы XX в., итоги, достижения и уроки его духовной культуры в их системных связях друг с другом и перспективах.

2. Взлеты и падения культуры "авангарда" в искусстве и науке. Его связи с "авангардизмом" и противостояния ему.

3. Будетлянство и (кубо)футуризм. Проекция сходств и различий в их языковых средствах на эстетическую гносеологию и научную эвристику².

4. Роль и место Велимира Хлебникова среди "принцепсов" XX в.³

Можно предвидеть скепсис: еще актуальнее, мол, какие-то иные проблемы. Хорошо было бы услышать, наконец, от неравнодушных коллег: какие именно и почему, и что же мешает обсуждению этих "иных"? На вопрос "А судьи кто?" ответ тривиален: практика проб и ошибок вместе с вечным "Лиха беда начало". К перечисленным проблемам мы еще вернемся.

¹ Ср. незаурядный цикл конференций и публикаций, организуемых группой "Логический анализ языка" под руководством члена-корреспондента РАН Н. Арутюновой с начала 1990-х гг. Внутренне контрастными здесь были все концепты, вынесенные на обсуждение: судьба, время и пространство, образ человека в культуре и языке, языки динамического мира, семантика начала и конца, языки этики, космос и хаос (порядок и беспорядок) и др.

² Ср. мечту А. Белого через символ "по-новому соединить творчество и познание" [Белый, 1990, с. 134]. "Чинарь" Я. Друскин, академик Д. Лихачев и др. в новое время искали свои пути к такому синтезу.

³ Ср. статьи: "Хлебников и наука", "Хлебников и типология авангарда XX века" [Иванов, 2000]. Но сформулированный Хлебниковым фундаментальный "принцип единой левизны" (новизны: связи "нового по мысли" с "новым по слову") самими филологами не услышан и не обсужден. Кто мог бы в свое время навести на него "новое мышление" М. Горбачева?

Ключевыми словами в их прямых и переносных значениях в этих заметках будут имена существительные *диалог*, *обсуждение*, *дискуссия*, *оппонент*, *спор*, имя прилагательное *интеллигентный* и другие члены соответствующих рядов синонимов и словообразовательных гнезд, а также, почти по формуле классиков сатиры, "все, что понадобится вперед". Одно слово понадобилось сразу же – *собеседник*, в глубоком, "провиденциальном" смысле, как понимал это еще в 1913 г. О. Мандельштам. Но речь пойдет не столько о языковых значениях как таковых – их-то читатель, естественно, хотя бы подсознательно и частично, держит в поле зрения, имеет в виду, – сколько о не всегда совпадающих с ними понятиях, в которых отражена суть отношений к самим реалиям нашей жизни, воспринимаемым Обществом очень по-разному.

Два понятия требуют предварительного комментария, разъяснений, без чего последующее рискует вызвать не ту конструктивную критику, на которую автор рассчитывает, а недоразумения, которых в принципе хотелось бы избежать. Первое – это сам *диалог*⁴. Как тип коммуникации диалогическую речь в противостоянии монологической (и связях с ней) давно и основательно изучали лингвисты, а диалогические связи между персонажами как важный компонент художественного текста и "Диалоги" как особый жанр – литературоведы. Для нас здесь особенно важны развитие диалогического сознания в нашем Обществе и, в соответствии с этим, диалогичность в широком смысле, где бы ее ни теснило, ни угнетало стойкое или кратковременное торжество монологизма – в науке, искусстве, СМИ, политике и т.д., – явно подрывающее нравственное равенство говорящих, участников диалога. Полупросторечное употребление слова *полилог* в значении разговора при участии ряда лиц, пожалуй, можно и не отвергать, лишь бы сам диалог не понимался при этом как обмен аргументами, мнениями и репликами только и только между двумя лицами.

В значении второго слова – *интеллигентность*, – на трезвый взгляд, нет ни одного семантического признака, который объединял бы его со словом *диалог*. И тем не менее полагаю, что интуитивно человек способен ощущать, на каком-то неясном *языковом* уровне, значимую и даже существенную связь между понятиями интеллигентности и диалогичности. Если же кто-либо такой связи не ощущает, он отчасти вправе мотивировать это и тем, что язык, которым пользуется, а в конечном счете руководит Общество, сам, как и оно, не очень четко "разбирается" в отношениях между интеллигентом (расхожее словарное определение: тот, кто принадлежит к социальной группе интеллигенции) и интеллектуалом, в связях этих этимологических братьев (лат. *intelligo* – понимаю; ср. греч. *epistēmē* – знание) с такими явлениями, как оппонент, то есть противник в споре, диалоге, ученый, специалист (профессионал).

Почему мы часто слышим, как некий интеллектуал, вроде бы признанный в этом статусе обществом, публично заявляет, что не хочет именовать себя интеллигентом, что он *не* интеллигент, а, скажем, аристократ (Н. Михалков) и т.п.⁵ Потому что понятие интеллигенции и "ее роль в русской революции", да и в наши дни, амбивалентны. Смыслы прилагательного *интеллигентный* тянут интеллигенцию в одну сторону, в сторону Культуры во всем ее объеме, а пароним *интеллигентский* – в другую,

⁴ В лингвистике принято курсивом выделять слова как объекты внимания, а значения и понятия – заключать в те или иные кавычки. Здесь и далее для простоты курсив используется как знак специального внимания и к слову, и к понятию, и к стоящей за ними реалии.

⁵ Ср. «...запомнился характерный случай. Лет десять назад критик Андрей Левкин напечатал в журнале "Родник" статью под заглавием, которое должно было быть вызывающим: "Почему я не интеллигент"». В.П. Григорьев, лингвист, сказал по этому поводу: «А вот написать: "Почему я не интеллигентен" у него не хватило смелости» [Гаспаров, 2000, с. 90] (см. там же на с. 84–112 важные соображения по всему этому кругу вопросов). Вспоминаю, что в 1990-е гг. заметку с примерно таким же заглавием опубликовал и академик А. Панченко, вызвав у меня сходное и еще большее недоумение.

где доминируют такие обусловленные историей слабости у какой-то части этого "общественного слоя людей", как вялость, безволие, бесхребетность и т.п. вплоть до сервилизма и лакейства⁶. Так что когда мы слышим слово *интеллигент*, та же двойственность сохраняется в нем не так уж редко. В таких случаях проверкой семантического акцента собеседника был бы вопрос: "Вы имеете в виду действительно *интеллигентного* человека?"

Обсуждая недавно такие же тесты [Григорьев, 2000], я обнаружил, что близкие проблемы занимают представителей двух разных областей научного знания. Независимые размышления известных академиков на четко поставленные ими в 1998 г. вопросы – Н. Карлова ("Интеллигентна ли интеллигенция?") и В. Топорова ("Не путайте интеллигента со специалистом"), – причем обращенные к различным аудиториям⁷, заставили задуматься, чего этим публикациям не хватало как стимулам для адекватной реакции Общества на поставленные вопросы, да и о деталях неявного спора между академиками. Можно высказать осторожную уверенность, что его существо будет выявлено или станет понятнее уже в ходе обсуждения, начатого журналом "Общественные науки и современность". Но, как бы то ни было, ледоходу давно назревавшей дискуссии что-то еще мешает.

* * *

Возможно, у этого "что-то" длинный хвост. Лет за 15 мы зацитировали – кто с возмущением, а кое-кто и с хихиканьем – известную жесткую ленинскую оценку старой интеллигенции. В полутемные поля сознания общества и в коллективное бессознательное она продолжала въедаться метастазами различной степени тяжести. Авторефлексия по этому поводу легче легкого сводится примерно к такому привычно-отбойному "дескать": Володька, конечно, был крутой мужик, но если я и интеллигент, то уж совсем новой формации. И все! Однако, обличая в первую голову, видимо, весь слой тогдашней интеллигенции (ср. теперь уже избранную "образованщину" у А. Солженицына), подсознательно Ленин имел в виду именно *интеллигентность* как таковую, по крайней мере какие-то из ее качеств, существенных и сегодня. Это подтверждается его отношением к дискуссиям, известными фактами его общения-обращения с инакомыслящими, оппонентами (об этих последних мы еще вспомним чуть далее).

Попытаться определить полный набор признаков: исчерпывающих наши представления об интеллигентности, дело, по-видимому, безнадежное. Хотя бы потому, что тонкий механизм их системы очень сложен, трепетен и динамичен, а уже одно только многомерное явление Культуры, с которым непосредственно общается (должен общаться) интеллигент, подвержено колебаниям и поверх всяких "линий партий"⁸. Но есть, кажется, два признака интеллигентности, связывающие ее напрямую с понятием диалогичности. По существу, они уже были выше названы. Во-первых, для всего Общества в целом и его Культуры фундаментальной является оппозиция *диалогизм/монологизм*. Во-вторых, с образом интеллигентности неразрывно, но ку-

⁶ Ср., видимо, произвольное, но явно чрезмерное сближение смыслов слов *интеллигентный* и *интеллигентский* в настольной книге для поколений российских интеллигентов – знаменитом Толковом словаре русского языка С. Ожегова и Н. Шведовой.

⁷ Одна обращена к философам [Карлов, 1998], другая – из речи на вручении солженицынской премии – к значительно более широкой общественности [Топоров, 1998]. А вот свидетельство, что "путать" продолжают, ничтоже сумняся, и академики, и СМИ [Каган, 2003].

⁸ Ср. отраженную и в языке неопределенность отношений между понятиями культуры и науки. Семантика обычно подчиняется здесь прагматике: например, "Известия" разводят полосы для той и другой. Суммарный объем информации от этого выигрывает, взаимодействие концепций – едва ли. Не потеряли значения осуждающие слова выдающегося филолога и писателя (как и велимироведа) о том, что "наша культура построена на чопорном дифференцировании науки и искусства" [Тынянов, 1977, с. 166].

да менее очевидно связано одно важное следствие избираемой в принципе Обществом установки на диалогизм. Я имею в виду органическое или хорошо воспитанное качество интеллигентного человека, известное как осознанная или хотя бы интуитивно ощущаемая им *потребность в оппоненте*. Ее-то по-своему ярко и выразила наша народная мудрость – "Не люби поноровщика – люби спорщика"⁹.

Ленин был воплощением не только политического монологизма. Сталин стал "Лениным сегодня" и по избирательной нетерпимости к полноценному Диалогу или настоящим дискуссиям в любой из областей общественной жизни, и по судьбоносному, чаще всего трагедийному чувству самоуверенности (тоже ключевое слово?). С этим прекрасно уживались темы самокритики для народных масс, потуги самого Диктатора на "сократические беседы" и "платоновские диалоги": слова-понятия не отвечают за карикатурность явлений. Оппонентов такие люди, исходящие из презумпции обязательной собственной правоты, не держали и не держат. По этому признаку в одном ряду с нашими вождями, и где-то близко, находится академик Т. Лысенко, в другом – академик А. Фоменко¹⁰.

Харизму, которой Ленин несомненно обладал, интеллигентность (в таком, небоитовом отношении) миновала. И за десятилетия существования советской литературы, кажется, один только будетлянин Хлебников вызывал Ленина на прямой диалог в поэме 1920 г. "Ночь в окопе", но ни в 1921 г., когда ее удалось напечатать¹¹, ни до конца века никем не был услышан. Ни самим Лениным, ни ленинцами, ни антиленинцами. Так что сегодня на Ильича неча да и уже поздно пенять, коли на собирательном портрете новейших российских *элитариев* личики властны, но несколько и даже откровенно асимметричны... (Ну, разумеется, не у всех – всего лишь у могучего большинства, явного еще до всякой строгой статистики различных обличий монологизма.)

Как уже сказано, язык и все наше несколько беззаботное в этом отношении Общество нечетко различают подводные мели паронимов, слова-понятия *интеллигентный* и *интеллигентский*. За безусловными понятиями культуры, интеллектуальности, профессионализма, принадлежности к социальной страте интеллигенции часто не поднимается и тот самый уточняющий вопрос о степени интеллигентности вообще-то явно культурного человека¹². Интеллигенция плохо-бедно все же прирастает и, верю, будет прирастать, несмотря на все невзгоды Культуры, включая науку, искусство и образование с непреложной для каждой из этих сфер нравственной ипостасью. Прирастает ли интеллигентность нашего Общества? – вот где собака зарыта. Неинтеллигентная власть – в стране, газете, науке, институциях быта – только функция от критической и крепнущей массы *неинтеллигентной интеллигенции*. Так что я бы сделал упор не столько на послеваховском или посленэповском понятии "интеллигенция" сколько на послецеховском образе "интеллигентность". Это ее недостает для Диалога. Возможно, затрудняет его и выход на уровень обсуждения таких вопросов, как были ли действительно *интеллигентны* товарищи Ю. Андропов, еще недавно – А. Лукьянов (оба – любители стихов), а уж сегодня – деятели искусств господина И. Глазунов (поклонник "Велесовой книги") и Н. Михалков (с его лю-

⁹ Вынесем за скобки обсуждения общепонятные признаки интеллигентного человека – совестливость, такт, невозможность "молчалинства" и в том смысле, кроме прочего, что монологист достаточно часто обнаруживается также своей способностью уйти от Диалога, не снисходить до разговора, ответа на вопрос.

¹⁰ Живучая установка во властных и научных сферах на "лысенкование" обсуждалась в [Григорьев, 2003].

¹¹ Любопытно, что это удалось благодаря "оппоненту" поэта С. Есенину, но не давнему другу, "соратнику и единомышленнику" В. Маяковскому.

¹² В логический круг попадают, например, такие рекомендации, даваемые в словарях паронимов: "Сравните: *интеллигентный круг* – круг образованных, культурных людей; *интеллигентский круг* – круг людей, состоящий из интеллигентов".

бовью к кредо графа С. Уварова и ненавистью к одному памятнику работы П. Трубецкого)? Самомнение и монологизм – тема для ученого-психолога.

Пеняют или нет на Ленина в 2003 г. господин В. Жириновский или товарищ Г. Зюганов, культуртрегеры Н. Губенко или М. Задорнов, но едва ли не любое и каждое из их ежесекундных на ТВ-экране – явление нынешних "верных ленинцев", образцовых монологовистов с атрофированной способностью к Диалогу. Можно без труда найти такие же символы с другими именами. Собрать всех их в кружок для публичного разговора на темы этих заметок... – когда? где? да и кто возьмет на себя такой титанический и почти наверняка сизифов труд? А зрелище было бы наглядно поучительное, отнюдь не для одних социальных психологов. Среди кандидатов в заслуженные монологовисты я видел и вижу на ТВ, кроме вышеназванных, очень разноранговые, но почти близнечные фигуры товарищей или господ: трибуна В. Анпилова, режиссера С. Говорухина, генералов – бывшего министра П. Грачева и чего-доброе-министра А. Квашнина, сладкопевца И. Кобзона, близнечных ведущих В. Комиссарова и А. Крутова, бизнес-аппаратчика М. Лесина и гордящегося "толстокожестью" мэра Ю. Лужкова, времен новейших депутата А. Митрофанова, журналиста А. Невзорова и далее по алфавиту, включая и неперемного культуролога А. Ципко... Едва ли не каждой из подобных фигур самоуверенных вещателей в СМИ (а только ли в СМИ?) зритель с ученой ли степенью или без нее найдет *mutatis mutandis*¹³ аналоги и в сфере науки. Как писал А. Межиров, "всего опасней полужнания" и "надменные конгломераты воинственных полумудрей". Но уже не поражают самоуверенность и еле прикрытая надменность аналитика Г. Павловского или парторга Б. Грызлова...

По воспоминаниям академика Н. Шмелева, М. Горбачев однажды сказал в неофициальной обстановке Г. Явлинскому: "Гриша, а знаешь, что тебя погубит?.. Тебя погубит, поверь, то же, что и меня. Излишняя самонадеянность и излишняя самоуверенность..." [Шмелев, 1998, с. 164]. Может быть. Но избыточный для этой пагубы эпитет в устах "Миши" не показался таким ни "Грише", ни мемуаристу. Похоже, что самоуверенность уже давно выступает в общественном сознании как почти похвальная норма и чуть ли не дублет, то есть абсолютный синоним необходимой (без перефразов) каждому *уверенности в себе*.

И без того интересный, этот случай может быть непосредственно соотнесен с "идеалом цельного знания" в любой сфере науки, который предполагает при выполнении требований, известных как "постулат" академика Ю. Харитона (если исследователь не в состоянии удержать в поле зрения в с ю картину, он не готов к работе), именно интеллигентность, всегда противостоящую всякой самоуверенности, всякому самомнению. Филология в своей традиционной роли "службы понимания" и "службы общения", может быть, особо значима для любой области коммуникации – от политической и научной до бытовой. Ведь диалоги, дискуссии, споры как вербальные действия в борьбе за приращение знания через Логос, учат нас "первой заповеди" – понимать *язык* друг друга.

* * *

Уже подзабылись впечатления от диалогов, которые одно время вели на ТВ почти непримиримые взаимные оппоненты А. Гордон и В. Соловьев. Остались ощущение настойчивого поиска формы для систематически развиваемого и более или менее острого разговора, а также впечатляющий след от искусства самих ведущих. Настоящего преемника на ТВ эта обнадеживавшая передача, увы, не нашла, никакие другие СМИ как будто не подхватили находки "диалогового режима" не в компьютере – в публичной, живой речи, не смогли обогатить этим опытом речь письменную. А те диалоги распались, и теперь мы всего лишь следим за тем, как установка

¹³ Сделав соответствующие изменения. – *Лат.*

на "просвещенчество" торжествует над редкими репликами в квазибахтинском диалогизме (и над обещанием "синтеза") у заполночного "Гордона", насколько искусно активизирует в себе и гостях даже иллюзию диалогичности Соловьев. Обычно и там, и здесь подкупают ненадутная интеллигентность, черточки настоящего диалога. Но в лучшем случае лишь отдельные черты, намеки, не более того.

Интернет? Сеть. Вот где, кажется, можно было бы прекрасно организовать не одних потребителей знаний, но и производителей новых истин – оппонентов отживающего. У электронных конференций, несомненно, большое будущее, в настоящем же на должном уровне вести сервер "Культура. Наука. Принципы. XXI век. Диалог" еще труднее, чем повернуться к высокому "Диалогу" на ТВ. И дело не в технических сложностях. Не обсуждаю сетевую проблему в целом, но позволю себе предложить еще одну почти притчево-поучительную аналогию – парадокс из письма Б. Пастернака Вяч. Иванову (1955 г.): "Как иногда внутренне пуст и технически блестящ Пушкин-лицеист, как обгоняют, как опережают его средства выражения действительную надобность в них. Он уже может говорить обо всем, а говорить ему еще не о чем" [Пастернак... 1972, с. 447]. Смертью "мусору" в Интернете могла бы стать интеллигентность развитых там "Диалогов". Сделает ли шаг в этом направлении новый сайт "Известия науки"?

Обрисовать ситуацию с Диалогом в самой науке гораздо сложнее. Не только потому, что картины диалогов в естественно-научном познании, точных и общественных науках специфичны в силу особенностей их статусов, предметов и методов, но и потому, что специфична и внутренняя конфликтность основных парадигм в каждой из них. Трудно представить культуролога, в самом широком смысле, способного квалифицированно охватить как разнообразие всех этих предметов, методов и конфликтов, так и детали их ближайшей истории, свежих новаций, конкуренции между школами, личностных взаимоотношений, стилей мышления и предрассудков. "Самостоянье" культурологии еще впереди¹⁴. "Я – не культуролог!" – думающего так ученого – профессионала иной специальности (а всеолог так не думает) можно понять. Тем не менее гуманитарии достаточно прикинуть, в заглавиях какой массы, в том числе каких/чьих (!), замечательных работ налицо слово *культура*, чтобы мысль о своей принципиальной "некультурологичности" пошатнуть и, может быть, преодолеть.

"Мелкий писатель довольствуется искусством, крупный – лишь всем на свете", – говаривал не чуждый и научному стилю мышления Г.К. Честертон [Честертон, 1995, с. 168]. Возможно, он не отвечает всем характеристикам интеллигентного человека (наша ультрапатриотическая горделивость?), но с диалогизмом у него было все в порядке. Тем более – со сквозной диалогичностью в распахнутом мире Ф. Достоевского (спор о его интеллигентности был бы весьма продуктивным). Уникальное слияние чуткой "неангажированности" и как бы фундаментальной полемичности Чехова, его ориентированности в науке, постоянного внимания к проблемам диалогичности и драмам неинтеллигентности, требовательности к себе, обязательности и чувства "ответственности за все"¹⁵ позволяют говорить о нем как о выдающемся "принце ХХ века", а не только как о писателе-классике. Пока еще полуподсознательно и разве что в привычном, общем, неэксплицированном "идейно-эстетическом плане" это объясняет тягу к Чехову в веке ХХI-ом.

¹⁴ Ни выявлением широких и конкретных "принципов ХХ века", ни понятиями авангарда, диалогизма, интеллигентности (не говоря уж о "будетляестве" и всем наследии Хлебникова) она пока не заинтересовалась. "Принципиально новая концепция истории русской культуры", (например в обобщающей работе с очень широким охватом литературы [Кондаков, 1997]), обходится без единого "проблемного вопроса" даже к такому "культурологическому принце" как А. Чехов.

¹⁵ Однако нет уверенности, что мягкий чеховский интонационный удар в конце 9-й главки той же "Попрыгуньи" по невинным мародерчикам, съевшим "икру, сыр и белорыбицу", Общество воспринимает сегодня более чутко, чем слова Горбачева об "излишней" самоуверенности.

Культурологичность, о которой здесь идет речь, близка интеллигентности. Узкий специалист и в наши дни подобен флюсу. Ссылки на все возрастающие трудности при попытках ориентации во "всем" пространстве Культуры справедливы лишь до определенной степени. Ни в коем случае нельзя упускать из поля зрения любое из важнейших измерений этого пространства-времени. Образ интеллигентного человека сопоставим с образом альпиниста. Он видит вершину, стремится к ней, но реально достигают ее лишь единицы. Принципиально, что они не смогли бы покорять "восьмитысячники", не будь "промежуточных лагерей" и еще менее заметной ежедневной работы всего альпинистского сообщества. Совсем не напоминая "полумасонское", оно уж во всяком случае не допускает подлостей: последствия их обернулись бы физической гибелью людей. И требует широкого-высокого-глубокого Диалога.

Не так определенно объяснимы многие иные "общественные тяги". Стоит сравнить, с одной стороны, примечательную тягу к Мандельштаму – к его уже упоминавшейся собственной напряженной тяге к "разговору", "собеседнику" (будь это Дант, Хлебников или марсианин), то есть в конечном счете опять же тягу Общества к глубинам диалогической ипостаси его творчества¹⁶. С другой стороны, и в то же самое время – даже более "бумную" тягу к холодноватым "интровертам и монологистам" В. Набокову или И. Бродскому. В этом пространстве следовало бы также осмыслить причины того, почему так медленно крепнет уже заметная, но все еще какая-то скорее эмоционально безотчетная, чем отчетливо осознанная тяга Общества к Хлебникову.

В проблемном контексте этой статьи имя *Хлебников* – безусловно и особо ключевое, его творчество – наша общекультурная проблема, без какого-либо публицистического пафоса "говорящих голов" на ТВ можно сказать – проблема мировая. К своему столетию он уверенно вышел на мировой уровень [Velimir... 1986], имела место и попытка, правда, не вполне успешная, но показательная, рассмотреть его творчество в таком культурологическом ряду: Пушкин–Хлебников–Платонов–Бродский [Библер, 1993]. О его принципиальном диалогизме, интереснейших беседах с ним, о нем как мастере высокой, а не мелочной полемики, о его удивительном стремлении услышать в единстве мироздания и непосредственно рядом с собой как можно больше "голосов", о присущей ему неповторимой интеллигентности, отзывчивости (и в тяжелейших бытовых условиях), о постоянной готовности к самоограничениям, завидной, но не беспредельной терпимости (таящей в себе и способность к взрыву в ответ на бесцеремонность, бестактность), внесловной и внекорпоративной демократичности и о многих других чертах его уникальной личности те, кто знал Хлебникова и хотел понять незаурядность дарования и творческого поведения этого, как я уверен, своеобразного чуда XX в. и вместе с тем в буквальном смысле "национальной гордости великороссов", вспоминали на редкость единодушно. Вспоминали, по-своему передавая то особое обаяние, силу которого они испытали при встрече с необыкновенным существом – таким общительным, кажется, открытым всему миру человеком и постоянно углубленным в свои "осады" поэтом-мыслителем, одиноко "горящим" среди искренних и мнимых "единомышленников" и страдающим от непонимания даже самыми близкими людьми, даже преданным ему и любящим окружением "творян"¹⁷.

¹⁶ См. недавно раскрытый диалог Мандельштама с Хлебниковым в 1933 г. (!) [Григорьев, 2002].

¹⁷ Здесь уместно, на всякий случай, оговорить естественное право любого человека на избирательность любви к любому художнику (не только слова) и на иные "пристрастия". Значимы их мера и (не)терпимость в отношении "чуждых мне, любимому, пристрастий". Академик А. Колмогоров вроде бы "не любил" поэта Хлебникова, но когда кто-то цитировал его текст, без труда продолжал цитату. В то же время бестактно преподнесенная общественности мнимая "цитата" из него, с издевкой выдуманная академиком Я. Зельдовичем, не могла не вызвать резкого протеста ("Новое литературное обозрение", 1997. № 24). А вот раздумчивый ответ М. Гаспарова на прямой вопрос журнала: "Главное, на Ваш взгляд, событие мировой литературы этого столетия". – "Может быть, Велимир Хлебников?" (Иностранная литература. 1998. № 7, с. 246).

Я утверждал, что потребность в Оппоненте – существенное качество интеллигентного человека. Ту же мысль можно выразить резче: безоппонентной интеллигентности легко выродиться в самомнение, самолюбование, нарциссизм или жириновщину. В то же время и неспособность к диалогу, агрессивный монологизм исключают интеллектуала, будь он и семи пядей во научном лбу, из круга интеллигентных людей. Теперь приходит время сказать, что одной только потребности в оппоненте – и в науке, и за ее рамками – недостаточно. Если ты уже среди тех, кто осознанно "жаждет оппонента", естественным станет и шаг к тому, чтобы понять: не менее важно и "антискупердяйство", то есть определенная щедрость в тратах "себя, любимого" на оппонирование другому.

Напомню "принцип сочувствия", уже давно и изящно сформулированный ученым-методологом С. Мейеном. Он писал: "Надо мысленно стать на место оппонента и изнутри с его помощью рассмотреть здание, которое он построил"¹⁸. То есть идеал – некий баланс между нашей "жаждой оппонента" (нужного "мне" диалога, "разговора") и нашей же волей к оппонированию другим, вроде бы нуждающимся в том же самом. В живой жизни воля часто превосходит жажду. Сколько раз еще на старом НТВ ведущий Е. Киселев наглядно неинтеллигентно и, так сказать, "излишне самоуверенно" затыкал рот *недекоративному* "гласу народа", притом, что уж в оппонировании властителям и судиям там было чему поучиться другим каналам.

Мы наблюдаем (особенно в науке, но СМИ, как всегда, успешно затыкают ее за пояс) частое отсутствие и жажды Оппонента, и желания Оппонировать. Неофициальная эта позиция реконструируется так: "Некогда отвлекаться; нечего тратить себя на вникание в других; у меня выше головы собственных идей". Для такого круга лиц у Хлебникова было запасено точное словечко – *нехотяи* (с коннотациями, бичующими и *циников*).

Выступая тем не менее оппонентом, не каждый непременно рассчитывает и на вполне понятливых слушателей, и на перспективу обсуждения их возможных контраргументов. Очевидно, что если не для академической науки, то для газеты или журнала эта ситуация не может не напоминать чего-то вроде дурной бесконечности. И все же. Пусть не непрерывный, а дискретный Диалог должен стать высокой нормой в нашей общественной жизни. Он стал бы также и своего рода тестом для зрителей и наблюдательских оценок: "Действительно ли NN испытывает потребность в Оппоненте или всего лишь в торжестве над ним любыми средствами и во что бы то ни стало?"

Тебя не слышат, но и ты не проявляешь достаточной настойчивости, чтобы наконец услышали. *Gutta cavat lapidem*¹⁹. Поэтому, во-первых, бессмысленно искать "российскую национальную идею". "*Русская идея*" после А. Чехова, В. Хлебникова, Н. Конрада, Д. Лихачева и А. Сахарова имеет смысл лишь в статусе общероссийской (да и общечеловеческой). Во-вторых, возможно, что нигде в мире нет исторического аналога нашей интеллигенции. Но и де я *интеллигентности* не имеет по сути национального приоритета. Как переводить соответствующее слово на разные языки мира – договоримся. Общими усилиями Востока и Запада, Севера и Юга. Однако сначала – между собой, у себя, сейчас, в спорах о том, что же все-таки стоит за этими идеями и словом.

Дефицит интеллигентности угрожает Обществу, нашей стране как минимум духовным обмороком. Его симптомы замечают люди самых разных ориентаций, поразному называя это и объясняя. Все же есть надежда, что принципиальное единст-

¹⁸ См. [Шрейдер, 1994, с. 63; Григорьев, 2000]. За рубежом как бы переоткрывают этот принцип и, расширяя его, настаивают, что "существует моральный императив постараться уловить с предельной точностью уникальность другого" [Александров, 1998, с. 183].

¹⁹ Капля долбит камень. – *Лат.*

во в понимании этических причин жестокого, пусть, пожалуй, и не совсем солженицынского "обвала", утраты того, что роднило, скажем, культуру А. Чехова, Ф. Нансена, Н. Бора и В. Хлебникова, достижимо. Интеллигентность "в чистом виде" может выглядеть идеализацией, абсолютом, даже ригоризмом, но у нее есть мера и величие, незнакомые кругу интровертных интеллектуалов или зыбким множествам элит, каждая из которых как будто нарочно напрашивается на вопрос: "Да та ли это элита?". Критерий "диалогической интеллигентности" мог бы оказаться полезным в двух едва ли соизмеримых по значимости отношениях. С его помощью Обществу легче судить об угрозе сползания страны к тому, что с некоторых пор заслуживает имени "необыкновенный фашизм" (фильм М. Ромма смотрим и по заслугам похваливаем, но это ведь "не про нас"; ну ладно, *еще не "фашизм", только "институциональный цинизм"*; "две *большие* разницы"?). А Культура, прибегая к тому же критерию, могла бы увереннее разобраться в кричащих полярностях "масскульта" и претензиях "постмодернизма".

В статуях из стихотворения Хлебникова "Город будущего" (1920) как бы увековечены и образы интеллигентных мудрецов будущего:

Они смотрели, мудрецы,
Искали правду, пытали, глупо ли
С сынами сеть ведут отцы.

* * *

Вернемся теперь, как было обещано, к перечню выдвинутых в начале статьи проблем. Есть основания предполагать, что со второй и третьей из них совместными усилиями филологов, искусствоведов и философов, при поддержке публицистов удастся справиться в довольно скором времени: уж слишком много надоевших белых пятен и серьезных противоречий в применении ключевых слов здесь бросается в глаза. Важнейшая первая проблема заявлена как требующая всеобщего внимания – от политиков, историков и других групп обществоведов до ведущих аналитиков в любых СМИ. Об этой проблеме в заключение этих заметок и в преддверии ожидаемого Диалога необходимо сказать чуть поподробнее. Но если такой "Разговор" начнется, он неизбежно затронет и его виртуального застрельщика из четвертой проблемы – Хлебникова. Поэтому для расчистки завалов на пути к первой проблеме сначала еще несколько соображений о Будетлянине.

Авторитет Г. Винокура освятил для филологов одну беспрецедентную аберрацию. Ученый счел возможным почти безоговорочно присоединиться к хлесткому, но на удивление несправедливому тезису, что "главным героем" и "основным содержанием" поэзии Хлебникова является язык [Винокур, 1943, с. 19]. Это драматически выводило поэта-мыслителя за пределы "нормальной литературы" в совершенно особую область метаязыкового творчества, хотя Винокур, в отличие от И. Бунина, М. Горького, Г. Иванова и мелкоты ненавистников поэта, видел в нем и художника. Сейчас, вопреки всем перипетиям с судьбой "будетлянства" в нашей стране, можно сказать, что Веха основательно и прочно вошел в первую десятку русских поэтов XX в., кое-кого правомерно потеснив в динамике виртуально-неясных, но ощущаемых рейтингов "общественной аксиологии" (см. [Словарь... 2001, 2003]).

С Хлебниковым – ученым и мыслителем дело обстоит куда хуже. Верно: биологи уже считаются с ним как переистолкователем явления и понятия *метабиоза*²⁰. Верно и то, что под разными соусами, но филологи тоже вроде бы готовы признать его яркую "воображаемую филологию". Лингвисты высоко оценивают системы его нео-

²⁰ Время/пространство симбиоза *студент* Хлебников выворачивает наизнанку: жизнь птиц; севооборот; смена поколений; (и уже мои толкования) скифы → запорожцы в Чертомлыке; "скорнение" и словотворчество у самого Хлебникова; разного рода метаморфозы и т.д.

логизмов, им интересны и неожиданная связь между его "принципом единой левизны" (новизны) и намеком Пушкина на "принцип единой полноты", и Хлебников-интерлингвист, его "звездный язык". Но целые пласты результатов его планомерных "осад времени, слова и множеств (толп)" все еще остаются и в новейшее постсоветское время вне поля зрения филологов, эстетиков, философов, социологов²¹.

Кажется, простого перечисления хлебниковских находок достаточно, чтобы на них с особенным интересом набросились сплоченные или разрозненные ряды специалистов. Многие из этих находок по-своему развивают давние традиции, другие совершенно оригинальны, возможно, небесспорны, но тем интереснее. Немало и таких, что подрывают самодовольство господствующих парадигм и уже поэтому подвергаются неинтеллигентной дискриминации. Вот названия, без комментариев, только тех находок, которые в разное время были введены в научный оборот, но не удостоились широкого обсуждения. Упомянутые выше "метабиоз" и "принцип единой левизны", трехчленная формула самовитого слова ("Слово – пядь, слово – лен, слово – ткань"), взаимодействие "созвучий" и "раззвучий" и его переосмысление в "великом Скрябинском начале", "закон обратного величия малого", яркая экологически и художественно приоритетная "бабочка Брэдбери", "основной закон времени", открытый (?) в конечном итоге внимательного "отношения ко Всему" и к самой категории Отношения в ее еще неясных связях с категориями воображения (включая "воображаемую логику"), преобразования, вероятности, асимметрии. Всю жизнь он провел в негромких "собеседованиях" с Пушкиным и Пифагором, Н. Лобачевским и Г. Лейбницем, в Оппонировании классикам, как и современникам, когда рядом оказывались "творяне" класса Маяковского или К. Малевича.

Может быть, все же услышим с таким беспримерным трудом добытые им "намёки слов", попытаемся аргументированно Оппонировать основаниям его мысли, тому, что двигало у Хлебникова *вероятностную* модель Вселенной и ее "наималы", со всем вниманием перепроверим их и ее? Тогда, пожалуй, немного иной предстанет и вечная оппозиция "свобода воли/жесткий детерминизм"?

* * *

Проблемы Интеллигентности и Оппонирования в конце XX в. завязаны в сложный системный узел "принципов столетия", его важнейших духовных достижений, при всех проторях и убытках, которые пришлось претерпеть. Пусть к словам *духовное наследие* с некоторых пор пристали совсем не нужные нам здесь думские коннотации – оставим их в стороне, претендуя всего лишь на "затравку" к серии предстоящих, надеюсь, *споров о принципах*. Нижеследующий перечень заведомо неполон, подается без подробностей, общих и специальных разъяснений, дополняющих то, что было мною сказано выше и в уже упоминавшихся других работах. Для цели этих заметок важно, что к "языку", то есть самой сущности, каждого из этих принципов нельзя проникнуть, минуя их конкретные языки и диалогические (в широком смысле) связи между представляющими их дискурсами в том "поле принципов", система и структура которого еще не ясны.

"Принцип системности" (для лингвистов и стиховедов он связан прежде всего с именами И. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра).

"Принцип интеллигентности" (от Чехова).

²¹ На литературоведах все еще сильно сказывается многолетняя инерция коллизий, связанных с неприятием ими (как корпорацией) идей *лингвистической поэтики* и эстетики, уход от Диалога с ними. Остается не обсужденной по существу и заметная, напрашивавшаяся на значимый спор книга Р. Дуганова [Дуганов, 1990]. Не менее любопытному изданию [Хлебников, 2000] с беспрецедентным, пусть и очень спорным комментарием публикатора В. Бабкова, видимо, тем более не удастся отнять не- у нашей *недиалогической неинтеллигентности*. А пора бы.

"Принцип относительности" (от А. Эйнштейна; сравним категорию Отношения у Хлебникова, его "основной закон времени").

«Принципы метабиоза, "разговора" и единой левизны» (и от Хлебникова).

"Экологический принцип" (конечно, не только от Хлебникова; сравним его идеи с "коэволюцией" у академика Н. Моисеева).

"Принцип помощи делом" (вечный; но в новое время и применительно к голодающей России – от Нансена; Хлебников высоко ценил *"варяга сурового"*).

"Принцип дополнительности" (от Бора; вспомним соположение у Хлебникова в 1908 г. строк "На озера береге" и "На берега озере").

"Принцип сочувствия" (от Мейена).

Принципы "обратной связи" и "самоорганизации" (от разных авторов; среди которых Н. Кропоткин, Хлебников, И. Пригожин), **"метатеологии"** (сравним Хлебникова и подход Я. Друскина), **"самоограничения"** (в этой связи стоит вспомнить потенциальных оппонентов – Хлебникова и А. Солженицына²²), **"конвергенции"** (по Сахарову и его оппонентам). Теория (*принцип?*) вероятности (вероятностный характер "прозоров" и "промеров" у Хлебникова, его "возможные миры") и т.д.²³

Сюда напрашивается и смысл неразвернутой аксиологической полемики с тезисом М. Гаспарова (1996): "Оценка – не дело науки, она – дело вкуса каждого читателя". Даже если речь идет только о художественных текстах, то вне коллективно-динамической их оценки ученый с невысоким вкусом, будучи увлечен добротным ли беллетристом или неким вспышкопускателем, рискует уравнивать их в правах на внимание с духовными лидерами эпохи. В науке мы все – как бы непременные "оценщики", уже по обязанности определять цену фактов и аргументов. Гаспаров, думаю, так искусно прячет *свои*, явные для догадливых, *оценки*, чтобы нагляднее отмежеваться от падких на вердикты "скорострельных интуитивистов" (выражение Б. Ярхо). Видимо, есть основания и перспективы у отдельного "разговора" о **"принципе оценок"** в их первостепенных связях с *языками* высокого Диалога и перебранок в СМИ.

Очевидно, что, если названные принципы действительно образуют систему, то система эта – иерархическая, причем неоднородно иерархическая в сильной зависимости от того, на что именно в "языковом пространстве" обращено наше внимание. Дважды упомянутое выше понятие **"языкового"**, несомненно, заслуживает отдельной и особой экспликации. Нет уверенности, что, если выбрать в качестве приоритетных, как мог бы предложить автор этих строк, лишь три принципа – интеллигентности, единой левизны и дополнительности, то первый же Оппонент не предпочтет, по достаточно веским основаниям, только один или два из них, а возможно, и какую-то четверку, включающую то, что осталось вне поля моего зрения, или что-либо совсем парадоксальное.

Продолжения разговора о "единой левизне" можно ожидать прежде всего от великоведов, но не от них же одних; об интеллигентности – необязательно лишь от знатоков Чехова; о дополнительности – в расчете лишь на физиков. Надо стремиться хорошо понять всю мощь языков, на которых по-разному говорят с нами эти принципы, – только тогда, как кажется, и может открыться их языковая сущность – та самая, что затрагивает социум в целом.

Чехов не знал ни Хлебникова, ни Бора; Хлебников, ровесник Бора, не зная о нем и робея перед Чеховым, уже проникся Г. Минковским (и Эйнштейном) и чуть ли не

²² Веха Исаичу, кажется, менее интересен, чем Д. Самойлов. Так или иначе, но Хлебников, к сожалению, остается без такого мощного, интереснейшего и завидного, прямо-таки отлитого для него Оппонента. Может быть, это наша драма, да и драма Солженицына?

²³ За этим "и т.д." остается, конечно, много имен и названий, сознательно допускаемых лакун. Хотя бы бегло упомяну Л. Толстого, М. Ганди, А. Швейцера, В. Вернадского, М. Бубера, П.-А.-М. Дирака, матерей Терезу и Марию, Я. Корчака, М.Л. Кинга, К. Поппера, Р. Пенроуза, С. Хоружего... Да не будет забыт ни один из "принципсов XX века".

считал, что опередил его с идеей пространства-времени²⁴, высказывался ли Бор о Чехове и Хлебникове, мне неизвестно. Между тем мощностъ языка у Чехова (и тонкость, чуткость, но это – иные, хотя и связанные друг с другом его качества) многим бросалась в глаза. После Чехова мы глубже понимаем, грубо говоря, что "поганый" язык и публично "поганая" конкретная речь (а не частные погрешности, ошибки в произношении, "слова-паразиты" и т.п.) вот *этого* человека – партлидера Ж., писателя С. или профессора Х. с головой выдают что-то значимо "поганое" в его существе. Еще глубже лежит другое: как "принцип интеллигентности" Чехова – сущностный момент *его* "языкового" – связан с "языковым" у других подлинных "мастеров Культуры"?

«На вопрос, какое понятие является дополнительным понятию истины, Бор ответил "Ясность"» [Мигдал, 1990, с. 15]²⁵. В поисках Истины, настоящей, нетривиальной, на первых порах Ясность недостижима даже для самого "искателя", пока он не найдет для нее "нового слова". Но вот язык нащупан и Истина закрепляется в словах, более-менее понятных если еще не "всем и каждому", то уж значимой корпорации Оппонентов-экспертов. Шлагбаум поднимается. Поскольку Ясность достигнута, Истину подхватывает парадигма Культуры, к ослепительно яркому в начале Свету Истины, инсайту, глаза привыкают, и метафорическую заглавную букву в ней сменяет рабочая строчная. Истина тривиализируется, попадает в учебники. Чаще всего бывает так, что ее еще "доразъяснят" – как не всеобщую, а лишь частичную. Но даже если ее опровергнут, обнаружив неполноту фактов или ошибочность их интерпретации, "искатель" и его оппоненты уже свободны для поисков "новых истин" и необходимых им "новых слов" – их языка в его единстве с "языковым" и в связях с "принципом единой левизны" (новизны).

Это рассуждение – не более, чем "намеки слов" (по Хлебникову) на задачу экспликации всего комплекса бинарных, тернарных и вообще многосложных *отношений* между "началами" (по Хлебникову теми же "принципами") – задачу для тех, кто, может быть, не отвергнув с порога самую идею их поиска и установления, готов в духе и режиме Диалога стать их Оппонентом.

Единственный общий вывод, который мы сделаем из этого представления обо-значенных в начале статьи проблем, да и всех других сюжетов этих заметок, пожалуй, покажется неожиданным. В спорном стиле комментатора "Известий" М. Соколова облечем вывод в довольно грустно-"чеканную" форму. Или практически почти весь круг проблем, которые так занимают автора, – возможно, горький плод его до смешного наивных заблуждений (не оставьте тогда меня в их лесу, хотя бы из сочувствия к Мейену). Или же все еще не выбравшемуся к самостоянью Обществу этот орешек пока просто не по зубам? (Не исключаю также *и...*, *и...*)

Независимо от вывода, остается проблема. Жгучие обращения в холодное пространство – "Кто ответит на вопрос?" и "Почему конкретный властный NN не дает вразумительного ответа?" – как будто уже при рождении погрузились в новую самоиронию типа давнего "Шука, знаешь ли ты, что же это такое – справедливость?" и не очень свежего "Ждите ответа". Жду. Но жизнеспособно ли шоу-общество "игрунов", не озабоченное высоким Диалогом, поиском языка достойного Оппонирова-

²⁴ См. запись начала 10-х гг., частично опубликованную в [Григорьев, 2000, с. 531, сн. 8].

²⁵ Неожиданный ответ Бора стал для меня одним из важных стимулов к поискам полускрытых и глубоких "принципов XX века", а также системы многосложных отношений между ними. К этому – еще две цитаты: 1) «Умный говорит: "это ложь, но так как народ жить без этой лжи не может, так как она исторически освящена, то искоренять сразу ее опасно; пусть она существует пока, лишь с некоторыми поправками". А гений: "это ложь, стало быть, это не должно существовать"» [Чехов, 1980, с. 80]; 2) "И то не ложь – и это истина!" (Хлебников. Стих. "Я и ты", 1919). Оппонент, разумеется, волен оспорить и самого Бора, предпочтя "дополнения" к Истине из какого-то иного круга понятий. Что ж, лишь бы это стало "закваской" Диалога.

ния и глухое даже к застарелой, оскорбительной и непуганной формуле "Инвалиды [ИОВ] и участники/ветераны ВОВ"?

Наращивая властные мускулы, устремленные к Центру "единороссы", как черти от лада или как моногисты от мастеровитого спорщика А. Чубайса, уже из-за одной вербальной формы "принципа единой левизны" должны будут отшатнуться от идей этих заметок. "Право-левые" политики, подозрительные как элит-аналоги го-голевской Палашки, не более готовы к их адекватному восприятию. Да и зубастый Оппонент властей Соколов едва ли станет читать "это неapolитическое", если же прочтет, нет особой надежды на то, что зуб на наши проблемы у него, как и у обходящего их Гордона, не окажется, опять по Гоголю, со свистом. Но, вообще-то говоря, почему бы (еще раз, почему) начатому обсуждению Диалога в науке не перетечь плавно и подготовленно в конкретный интеллигентный "Разговор" о первой из названных в начале статьи проблем?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Вл. "Семиосфера" Лотмана и разновидности человеческой личности // Звезда. 1998. № 10.
- Белый А. Начало века. М., 1990.
- Библер В.С. Национальная русская идея? Русская речь! Опыт культурологического предположения // Октябрь. 1993. № 2.
- Винокур Г. Маяковский – новатор языка. М., 1943.
- Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000.
- Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.
- Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
- Григорьев В.П. Об одном тире в одном из "Восьмистишей" Осипа Мандельштама // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. № 5.
- Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М., 1990.
- Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. М., 2000.
- Каган Ю. Интеллигенты исчезают из нашей жизни // Известия. 2003. 5 июля.
- Карлов Н.В. Интеллигентна ли интеллигенция? // Вопросы философии. 1998. № 3.
- Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.
- Мигдал А.Б. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1.
- Олейник А. В заточении в башне из..? (к вопросу об институциональной организации науки) // Вопросы экономики. 2002. № 9.
- О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960.
- Пастернак о Блоке // Блоковский сборник, II. Тарту, 1972.
- Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1. А–В. М., 2001; Т. 2. Г–Ж. М., 2003.
- Спаский С. Хлебников // Литературный современник. 1935. № 12.
- Топоров В.Н. Не путайте интеллигента со специалистом // Известия. 1998. 20 мая.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Хлебников В. Доски судьбы. М., 2000.
- Честертон Г.К. О настоящих поэтах и прозаиках // Дружба народов. 1995. № 7.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения. В 18 т. Т. 17. М., 1980.
- Шмелев Н. Curriculum vitae // Знамя. 1998. № 9.
- Шрейдер Ю.А. Лекции по этике. М., 1994.
- Style in Language. New York, 1960.
- Velimir Chlebnikov (1885–1922): Myth and Reality. Amsterdam, 1986.